

Великий коуч Джефф.

Великий коуч Джефф восседал на вершине горы – если, конечно, слово “восседал” применимо к позе, в которой обычный человек скорее развалился бы, чем принял вертикальное положение. Он полулежал на потёртом пледе, подперев щеку грязноватой ладонью и потягивал гранатовый сок прямо из графина. Графин, к слову, когда-то был прозрачным, но теперь его грани покрывал липкий налёт, а у горлышка темнели разводы, оставленные после многих бессонных ночей, проведённых в компании этого самого сока.

С высоты открывался вид почти на весь небольшой городок – аккуратные крыши, ленту реки, пыльную дорогу, по которой к подножию то и дело тянулись люди. Жители часто обращались к Джеффу за советом: у кого-то разладились личная жизнь, у кого-то взбунтовался начальник, а кто-то и вовсе запутался в собственных мыслях так основательно, что уже не мог отличить тревогу от голода. Каждый, кто поднимался к нему, уходил если не счастливым, то по крайней мере, умиротворённым. Джефф действительно давал ценные советы – в этом ему нельзя было отказать. Он умел найти подход к любому просителю и знал удивительно много: от агротехники выращивания пшеницы до тонкостей ведения международного бизнеса. Он мог объяснить, как спасти брак, как вывести компанию из кризиса и как правильно выбрать щенка, чтобы тот вырос преданным другом.

Платы за мудрость он не назначал. У ног Джеффа стояла картонная коробка из-под фруктов – когда-то жёлтая, а теперь серая и замусоленная по углам. Каждый клал в неё сколько мог: кто монету, кто купюру, а кто и вовсе приносил еду, если в карманах было пусто. Иногда Джефф запускал руку в коробку, извлекал горсть мелочи и спускался вниз, на рынок – вновь запастись гранатовым соком. Иногда мелочи набиралось достаточно, чтобы арендовать небольшой зал, – тогда он читал лекции для групп, и зал всегда набивался до отказа. Люди сидели на полу, на подоконниках, затаив дыхание ловили каждое слово, а он говорил, говорил, говорил – красиво, складно, убедительно.

Никто не замечал, что плед, на котором он “восседал” не стирался, кажется, с прошлого сезона дождей, а графиню уже пора украсить собой местную свалку. На такие мелочи никто не обращал внимания.

Однажды к нему пришёл парень – владелец местной маленькой пиццерии. Он мял в руках потрёпанный блокнот, который то и дело выскальзывал из пальцев и падал в пыль, поднимая небольшое облачко. Глаза парня бегали по сторонам, он переминался с ноги на ногу, оставляя на земле незамысловатые узоры.

– Слушай, Джефф, – начал он тихо, уперев взгляд в собственные носки. – О твоей мудрости тут ходят легенды... Я тоже пришёл за советом. Меня зовут Стив. У меня пиццерия “У Стива”, тут неподалёку, ну, ты знаешь...ты заходил как-то. Я тебя видел.

Джефф не торопился с диалогом. Он медленно провёл пальцами по бороде – седые волоски путались в грязноватых прядях – и его взгляд оставался неподвижным, как у человека, который привык, чтобы слова к нему приходили сами, а не добывались с трудом.

– Да, был, – наконец произнёс он с хрипотцой в голосе. – Хорошая у тебя пицца.

Стив воспрянул духом, часто закивал и заговорил быстрее, торопясь выложить всё сразу:

– Я её держу почти два года. И дела...дела идут не очень, если честно. Поваров я уже полсотни сменил. Ну, может, не полсотни, но много. Все воруют, опаздывают, клиентам хамят. А про их образ жизни я вообще молчу – у них вредных привычек больше, чем умения тесто раскатывать. Что мне делать, Джефф? Скажи, пожалуйста.

Он замер, ожидая ответа.

– Так, – протянул Джефф, не меняя позы. – А ты сам печь-то умеешь?

– Конечно! – Стив даже обиделся. – Я вообще сам повар. До того, как нанимать начал, сам всё делал. Вот тогда дела хорошо шли. И прибыль была, и клиенты довольные, и касса сходилась. А сейчас...

– И как часто ты в своей пиццерии бываешь? – перебил Джефф, лениво приподняв бровь.

– Да я оттуда не выхожу почти что! – воскликнул Стив, поправляя ковбойскую шляпу. – Только выйду – опять звонок: повар накосячил, забыл, как пиццу собирать, или вообще не вышел. Приходится или мне вставать к печи, или жене моей. У нас уже график такой: кто из нас свободнее, тот и готовит.

– Ну, – Джефф выдержал паузу и приложился к графину – так, может, сам и работай. Лучше тебя к твоей пиццерии никто не отнесётся. Всем плевать. Хороший работник на вес золота, а то и платины. Их найти практически невозможно. Ты только время потеряешь на поиски. Увы, это так.

Стив застыл, боясь упустить хоть слово.

– А к твоему островку, – продолжал Джефф, – и подавно серьёзно никто относиться не станет. Тем более, ты слишком мягкий. Уж не в обиду тебе сказано. Просто по факту. Да даже если и будешь построже – не факт, что они работать лучше будут. Если вы с женой оба можете готовить, работайте сами. На людей надежды нет. Хочешь сделать хорошо – сделай это сам!

Джефф покачал головой, словно жалея о жестокости этого мира, и снова отпил из графина. Капля сока стекла по подбородку и потерялась в бороде.

Стив смотрел на него с таким восхищением, будто перед ним разверзлись небеса.

– Спасибо, Джефф. – выдохнул он. – У меня была такая мысль, но...ну, знаешь, абстрактная, туманная. А ты всё по полочкам разложил. Теперь я точно решил. Никаких работников. Будем работать сами. И деньги целые будут, и спокойствие. Ещё раз спасибо тебе, Джефф.

Он порывисто сунул руку в карман, вытащил смятую купюру и, почтительно склонившись, положил в коробку. Потом подхватил с земли блокнот, который за время разговора успел побывать в пыли ещё дважды, и зашагал вниз по тропинке, то и дело оборачиваясь и благодарно кивая.

Джефф издалека махнул ему рукой, откинулся на локти и уставился в небо. Гранатовый сок кончился. Нужно было спускаться на рынок, но делать этого совсем не хотелось. Он пошевелил пальцами ног, выглядывающими из прохудившихся носков, и решил, что спустится завтра. Или послезавтра. В конце концов, мудрость не терпит суеты.

Эту гору он считал своим домом. Настоящего дома у него, впрочем, никогда и не было. Зимы в этих краях выдавались не слишком суровые – пару раз за сезон температура опускалась ниже нуля, и тогда Джефф спускался к трассе, снимал комнату в мотеле “Привал” и на неделю исчезал из виду. Но бóльшую часть года он жил здесь, среди сосен и осыпающихся камней.

Два кривых дерева на краю площадки держали гамак из выцветшего брезента. Гамак провис почти до земли, и в том месте, куда ложилась спина, ткань истончилась, а края залоснились. Рядом, в густой тени, стояла палатка – серая, с налипшей хвоей, с запахом старой ткани внутри. Вход всегда был распахнут, Джефф не застёгивал молнию. А дождь, по его словам “очищает пространство”.

Душевую он соорудил из досок и старой бочки, которую прикатил снизу, с помойки у мясной лавки. Бочка стояла на крыше из плоского шифера, вода в ней нагревалась за день и к вечеру становилась почти горячей. Когда Джефф принимал душ, внизу, у подножия горы, было видно, как над деревьями поднимается лёгкий пар.

Внутри палатки царил порядок особого рода: всё валялось кучей, но Джефф безошибочно находил нужную вещь, запустив руку в недра. Книги – классика, психология, бизнес-литература, стопка журналов о здоровом питании – лежали перемешанные с посудой. На дне одной из кружек, опрокинутой вверх дном, чернело пятно давно засохшего чая. Рядом, на

полиэтиленовом пакете, сиротливо жались друг к другу три тарелки и две миски – всё, что осталось от сервиза, который Джефф когда-то купил в магазине у шоссе. Когда посуда заканчивалась, он мыл ровно столько, сколько нужно для следующего приёма пищи, и снова бросал в кучу.

Одежды у него было немного: три пары бежевых хлопковых штанов и три рубашки такого же оттенка. Штаны были все в пятнах – гранатовый сок въедался в ткань намертво. Джефф не стирал вещи – когда они приходили в негодность, он просто покупал новые. Торговцы на рынке уже привыкли: раз в месяц к ним спускается мудрец с горы, отчитывает монеты и уходит в обновке, оставив старую одежду где-нибудь у лотка с овощами.

Жена ушла от него четыре года назад. Или пять – Джефф сбился со счёта. Он помнил только хлопок двери и свои вещи, выставленные на крыльцо: чемодан с книгами, мешок с одеждой и старый плед. Это был её дом, с крепким фундаментом, газовым отоплением и верандой, где она выращивала герань. До знакомства с ней он снимал комнаты, ночевал у знакомых, жил на стройке, где работал две недели. Потом была она, её дом, её правила. Когда дверь захлопнулась, он оказался ровно там, где был до неё – ни с чем. Только теперь ещё и с горой книг, которые не помещались в чемодан.

С тех пор он обитал на горе. Иногда, когда ветер дул в юго-востока, Джефф смотрел в сторону города, пытаясь вспомнить, как выглядит крыльцо того дома, но не мог. Зато он отлично помнил, как выглядят пятьдесят центов, два евро и местные бумажные купюры, которые просители опускали в картонную коробку.

Денег хватало. Каждый вечер он пересчитывал монеты, высыпал их на плед, сортировал по достоинству и складывал обратно. Недавно купил солнечную батарею – маленькую, складную, которая питала его новый телефон. Телефон был сносный, с большим экраном, и Джефф часами листал в нём статьи, заметки и ленты новостей, пополнял тот самый багаж знаний, которым потом делился с просителями.

Иногда кто-то приносил еду, и тогда он не спускался на рынок несколько дней. Ему нравилось, когда всё необходимое приходит само, без лишних движений.

Он мог бы переехать в квартиру. Денег, если копить месяца три, хватило бы даже на хорошую, с видом на парк. Но зачем? Переезд – это собирать вещи, договариваться, подписывать бумаги, обустраиваться. Слишком много хлопот. Здесь, на горе, его всё устраивало.

А люди всё приходили.

В этот же день к нему поднялась девушка. Она появилась из-за сосен, ступая осторожно, боясь испачкать туфли в пыли. Изящные, кукольные черты лица, стройная фигура – ей бы на обложку глянца, а не бродить по горным тропам в поисках совета. Джефф уселся на стул, встретил её внимательным взглядом, неторопливо оглядел с головы до ног, задержавшись чуть дольше положенного на голубом приталенном платье, которое подчёркивало каждую линию её хрупкой фигуры. В её красивых миндалевидных глазах изумрудного цвета застыла глубокая печаль.

Она поздоровалась, села на шаткий стул напротив и замолчала. Джефф не торопился. Он сделал вид, что очень занят: взял блокнот, раскрыл его на первой попавшейся странице и принялся что-то сосредоточенно записывать. Карандаш царапал бумагу, выводя кривые завитки – он понятия не имел, что именно пишет, но знал, что это действует безотказно. Люди, видя его занятость, начинали говорить сами, и чем дольше он молчал, тем больше они выкладывали.

Девушка смущённо перебирала край платья, смотрела то на свои колени, то на графин с соком, то по сторонам.

– Здравствуйте ещё раз... – наконец выдохнула она. – Говорят, к вам можно прийти, просто совет спросить. Я вот тоже пришла... Я...

Она запнулась. Джефф поднял глаза, но продолжал водить карандашом.

– Можно на “ты” – коротко бросил он.

– Хорошо. В общем, мой бойфренд... – её голос стал тише. – Меня бросил несколько месяцев назад. А теперь звонит постоянно. Пишет. То говорит, что скучает, что плохо без меня... Хотя, по-моему, у него другая была... Я уже не понимаю, чего он хочет. И себя не понимаю. Вроде уже столько времени прошло, а я...

Девушка прикусила губу и замолчала. Пальцы скрутили рюши в плотный жгут.

– Так, – Джефф поднял графин и посмотрел на гостью сквозь бордовую жидкость, словно разглядывал её в магическом кристалле. – Дай угадаю. Говорит: вернись ко мне, люблю только тебя, жить без тебя не могу? Понял, что лучше тебя нет, ты моя единственная любовь?

– Да, примерно так и говорит... – Голос девушки дрогнул, а в глазах мелькнул огонёк надежды – робкий, почти испуганный, как у человека, который боится поверить в чудо. – А я вот.. знаешь, я хочу вернуться. Я...

– И часто звонит?

– Каждый день.

– Несколько месяцев назад говоришь? – Джефф медленно погладил бороду, разглаживая спутанные пряди. – Так. Давай я тебе переведу с мужского на правдивый. “Я тебя люблю, вернись ко мне” означает следующее...

Он поставил графин на землю, сделал паузу, давая словам набрать вес, и продолжил:

– Это означает: “Знаешь, я тут походил по свиданиям, пообщался с разными девушками и понял: кроме тебя я никому не всрался. Никто мне просто так не достанется. Чтобы отдались, нужно постараться. А я не хочу. А ты – ты же удобная. С тобой легко.” Дай угадаю: ты с него много не требовала?

– А... – девушка открыла рот, тут же закрыла и задумалась, хмуря тонкие брови. – А почему я должна требовать? Он же уйдёт от меня, если я буду требовать. Зачем я буду человеку мозги выносить? Живём да живём, работаем оба... Да и вообще, двадцать первый век, женщина сама всё может. Я же работаю, своё дело развиваю.

– Так, – Джефф кивнул с видом человека, который только что получил подтверждение давно известной теории. – Понятно. Редкий ты экземпляр для современных женщин. Вот он к тебе обратно и рвётся. И красивая, и не требуешь. Много затрат на тебя не нужно. А другие девушки, зуб даю, потребовали. И цветов, и внимания, и времени, и денег. И ты – готовая, бесплатная, ещё и сама платишь. Вот он к тебе обратно и прибежал. Зачем напрягаться, если есть ты?

– Он говорит, что любит меня! – выкрикнула девушка. Глаза её покраснели и наполнились крупными слезами, которые одна за другой покатались по щекам, оставляя влажные дорожки на безупречной коже. – И я верю! Я знаю, что любит, что забыть не может! Мы же не один год жили, столько всего было. Я была добра к нему. Он меня не забыл!

– Смотри, – невозмутимо продолжил Джефф, снова схватив графин и сделав большой глоток. – Забудь вообще про всю эту романтику. Мужчины устроены проще. Не надо придумывать ему некую сложность и глубину, которой он не обладает. Ему просто стало некомфортно без тебя. Он пробовал другие варианты, уж поверь мне, за несколько месяцев точно. Но не получилось. Все его отшили – потому что требовали уважения к себе, потому что не соглашались на полумеры. А с тобой было комфортнее, уютнее, дешевле. Поэтому он и хочет вернуть привычное.

По щекам девушки текли слёзы. Она уже не вытирала их, только смотрела на Джеффа с болью и недоумением.

– А что он делает для того, чтобы тебя вернуть? – Джефф сощурил глаза и зачем-то уставился на свой ноготь, где под пластиной темнела многодневная грязь. – Конкретные действия? Что он *сделал*?

– Ну...звонит только, – всхлипнула девушка. – Говори, любит...

– А раньше что делал? Когда вы только начинали? Как он тебя добивался?

– Ну как... Сходили в кино, в кафе. Пару раз. – Она говорила тихо, будто стыдясь своих слов. – Я за себя сама платила, хотела показать, что самодостаточная. А он и не против был. Потом встречаться начали, сразу почти, потом съехались, жили три года, потом непонимания начались, конфликты, на почве денег в основном. Ругаться стали, разошлись. Это если вкратце.

– Так. – Джефф уставился на неё в упор. Стул под ним жалобно скрипнул, когда он откинулся назад, ветер шевелил каштановые волосы, на висках весело поблёскивала седина. – Понятно. Дёшево ты ему досталась. Даром, можно сказать. И вернуть он тебя хочет дёшево – парой звонков и красивыми словами. А зачем ему напрягаться, если ты сама готова прибежать, как только он пальцем поманит?

Девушка молчала, глядя в землю.

– Ну а ты-то чем все эти несколько месяцев занималась, пока он по свиданиям бегал? Ухажёры были?

– Да были, но... – она поморщилась. – Они все какие-то однотипные.

– Как твой бывший?

– Хуже. Один вообще с другом пришёл на первое свидание, представляешь? Другой маме всё время звонил. Третий женат оказался. Короче, полный мрак. И все мне намекали, сам понимаешь на что, сразу, с первой встречи. Даже тот, что с другом был. А я везде сама за себя платила.

– Так. – Джефф хмыкнул и почесал затылок. – Понятно. Ты, девочка моя, за правдой пришла или за утешением?

– За правдой, конечно, – девушка вытерла пальцем потёкшую тушь, оставив под глазами серые разводы. – Ты же её мне и начал говорить...

– Ну тогда слушай внимательно, – Джефф подался вперёд, опершись локтями на колени. – Ты себяставляешь как дешёвку. Ведёшь себя дешёво – вот мужики к тебе и относятся как к дешёвке. Ты за собой не ухаживаешь? Ухаживаешь, это видно. Но в поведении – сплошное “я сама”. А мужчина устроен так: он ценит только то, во что вложил. На что потратил время, силы, деньги. А что ему само пришло – то он ценить не будет. А вот пользоваться – с радостью.

Он выдержал обязательную паузу.

– Понимаешь? Ещё раз повторю: ты ему досталась бесплатно. Вот он тебя и не ценит. А теперь хочет вернуть – опять бесплатно. И ты готова. Но если ты сейчас снова побежишь к нему, как только он позвал, – через месяц он начнёт оглядываться по сторонам. Потому что ты для него – вещь, которая всегда под рукой.

Девушка замерла, перестав вытирать слёзы.

– А что мне делать? – спросила она почти шёпотом.

– Во-первых, перестань вести себя как дешёвка. Это не скромность и не самодостаточность, это – дешевизна. Оденься по-другому. Сделай дорогой макияж, маникюр, на одежду потраться. Преподнеси себя так, чтобы мужчина понимал: за тебя надо бороться. И никаких “плачу за себя”. Вообще деньги с собой не бери, пусть сам выкручивается, если не хватит. Если ему нечем платить за тебя в кафе – значит, нечего в кафе ходить.

Он говорил уверенно, как человек, говорящий это в сотый раз. Бывшая жена тоже досталось ему просто, о чём потом жалела ближайшие несколько лет.

– А если так тянет к бывшему вернуться. – Джефф поднял указательный палец, – пусть для тебя реально что-то сделает. Весомое. Не “позвоню, скажу, что люблю”, а что-то такое, что ему самому будет трудно. И не один раз, а постоянно. Пусть докажет, что ты для него не просто удобный вариант. Только на таких условиях. Не дешеви себя.

Он сунул руку в карман штанов, порылся там и извлёк потрёпанную визитку. На ней красовалась эмблема с завитушками и надпись: “Элиза. Курсы “Как стать дороже. Для женщин, которые знают себе цену”.

– Вот, держи, – Джефф протянул визитку девушке. – Если хочешь подробнее, сходи к Элизе. Она этим профессионально занимается. Скажешь, что от меня – она тебе скидку сделает. Или не сделает. Но в любом случае – сходить стоит.

Девушка взяла визитку, повертела в пальцах. Слезы высохли, лицо обрело осмысленное выражение.

– Спасибо, Джефф. Наверное, ты прав. Я правда слишком... дешевила себя, да?

– Ну а кто же ещё? – Джефф развёл руками и откинулся на спинку, давая понять, что аудиенция окончена. – Ты себя так поставила – так и тебе и относятся. Хочешь другого отношения – начни с себя.

Девушка поднялась, поправила платье, зачем-то отряхнула юбку, хотя та была безупречно чистой. Минуту помялась, словно хотела сказать ещё что-то, но передумала. Достала из сумочки горсть монет, положила в коробку и, тихо попрощавшись, пошла вниз по тропинке, держась чуть прямее, чем когда поднималась.

– Вот блин, жмотка, – процедил Джефф, заглядывая в коробку, где на дне сиротливо лежали три мелкие монеты. Он сплюнул сквозь зубы, попал себе на штанину и даже не заметил. – Даже на сок не хватит.

Он с досадой махнул рукой, откинулся на локти и уставился в небо, но покой не шёл. Завтра лекция. Для начинающих бизнесменов. И не только начинающих. Тема: важность работы в команде. Два часа лить отборную воду про то, что всё делать самому нельзя. Он мысленно перебирал тезисы, и где-то на краю сознания маячило лицо Стива – того самого парня из пиццерии, которому он с умным видом посоветовал уволить всех и работать вдвоём с женой. Втайне Джефф надеялся, что Стив на лекцию не

придёт. А если придёт – нужно будет выкручиваться: делать оговорки, мол, это не касается маленьких островков, это только для тех, кто планирует расширяться до огромного ресторана. Разумеется, он выкрутится. Подвешенный язык – главное, что у него есть.

Джефф достал блокнот, раскрыл на середине. Страницы были исписаны от корки до корки – он проштудировал три книжки, скачанные с пиратских сайтов, и пару часов шерстил интернет, пока солнце грело бочку с водой. Теперь оставалось придумать вопросы для карточек. Люди это любят: вытягивают карточку, читают вопрос, а он кивает, улыбается и говорит: “Доверьтесь интуиции. Каждый вытягивает то, что актуально именно для него”. Полчаса можно просто сидеть и поддакивать, а участники будут счастливы, потому что сами нашли ответы.

Он водил ручкой по бумаге, выводя вопросы аккуратным почерком. Время от времени поднимал глаза к солнцу, щурился, потом снова склонялся над блокнотом. Когда карточки были готовы, он довольно захлопнул блокнот, сунул его в рюкзак, разложил плед поудобнее, нацепил солнцезащитные очки и развалился на спине, вытянув ноги в дырявых носках.

“Хорошо бы сегодня больше никто не пришёл”, – подумал он, прикрывая лицо полой рубашки.

Но надежды не оправдались. Через полчаса он услышал быстрые шаги по тропинке. Вскоре появилась белокурая макушка. Женщина в прямой бордовой юбке и белой блузке – она выглядела как героиня рекламы “Магазин на диване”. Казалось, сейчас улыбнётся белоснежными зубами, ослепляя всё вокруг, как прожектор, и начнёт рассказывать о невероятных достоинствах новой овощерезки, которая на деле через неделю сгорит.

Но женщина, подняв на Джеффа огромные голубые глаза, заговорила о другом. Белый хвост на её голове шевелился в такт словам – стянутый тугой резинкой, он подрагивал при каждом кивке.

– Здравствуйте, великий коуч Джефф! – ангельский голос осел на ушах Джеффа прохладной росой, – говорят, о вашей мудрости ходят легенды. Я... я хочу попросить совет.

– Здравствуйте, – Джефф нехотя уселся на стул, снял очки и уставился на гостью, почёсывая подбородок. – Я слушаю вас, милая леди.

– Я совсем не умею справляться с эмоциями, – выпалила она и тут же смутилась, будто сказала что-то неприличное. – Они управляют мной. Я кричу на дочь, кричу на мужа, на сына, на собаку... А потом...потом меня накрывает такое чувство вины! Я могу плакать весь вечер.

Она замолчала и села на стул, едва не рухнув вместе с ним. Гостья часто моргала, теребила край юбки, чесала нос. На пухлых щеках проступил густой румянец, почти сливаясь по цвету с алой помадой на губах.

– Ну, я в общем... – она запнулась и посмотрела по сторонам. – О чём я говорила? Ах, да! Это, возможно, звучит так глупо, но я не могу справиться с эмоциями. Такое ощущение, будто внутри меня постоянно копится гнев, где-то вот здесь, в груди.

Она приложила ладонь к декольте на блузке и крепко прижала.

– И он требует выхода. Постоянно. Каждый день. Я не знаю, откуда это у меня. Мне никто ничего плохого не делает, у меня прекрасный муж, замечательные дети. Может, это интуиция? – Она подняла на Джеффа полные надежды глаза. – Кто-то что-то...делает, а я не знаю, но интуиция подсказывает. Вот.

Она снова замолчала, теребя пальцами край блузки. Джефф всё это время слушал, кивая через раз, но главное его внимание было приковано к мухе – настойчивая, жирная, она кружила над самым ухом, то садясь на плечо, то взлетая с мерзким жужжанием. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не выругаться самыми грязными словами из своего лексикона. Вместо этого он терпеливо смахивал её раз за разом, стараясь сохранить на лице выражение глубокой сосредоточенности.

– Так, – наконец произнёс он, когда муха на секунду отступила. – Ваша ситуация мне понятна.

Он снова кивнул, почесал бороду, одновременно краем глаза высматривая насекомое.

– Возможно, я открою вам Америку, но эмоции не копят. У нас внутри нет какого-то специального резервуара, где они могли бы собираться, как монетки в коробке. Или скапливаться, как жидкость в бочке. Что бы вам ни говорили, у них нет такого свойства.

Женщина положила ногу на ногу, подалась вперёд, и уставилась на Джеффа с пристальным вниманием. Он почувствовал этот взгляд и немного приосанился – насколько позволяла поза полулёжа на шатком стуле. Голос его стал тише, мягче, почти ласковым – как у нянечки, уговаривающей капризного ребёнка.

– Эмоции – это процесс. А процесс, – он поднял руку, поставил указательный и средний пальцы на ладонь и забавно пошевелил ими, изображая шагающие ножки, – он просто идёт. Не копится, не складывается в кучку, он движется. И процессом можно управлять. Да не просто можно, а нужно. Сдержат эмоцию, когда она совсем не нужна и способна только навредить – в вашей власти.

Он выдержал паузу, на секунду закрыл глаза, набирая в лёгкие воздух. Муха вернулась, но теперь Джефф даже не шелохнулся – только проводил её взглядом, демонстрируя нечеловеческую выдержку.

– Чем чаще вы срываетесь, тем сильнее учите свою психику реагировать именно так. Вы укрепляете привычку, с каждым разом всё глубже протаптываете эту тропинку в мозгу. Это не эмоции накопились – это вы не смогли сдержать. И с каждым срывом становитесь всё слабее перед ними.

Женщина кивнула, с силой сцепив пальцы на коленях.

– Но есть и хорошая новость, – продолжил Джефф, поднимая указательный палец. – Попробуйте хоть раз сдержаться. Потом ещё раз. И ещё! Вы увидите, как плохие эмоции становятся с каждым разом всё слабее, а потом и вовсе угаснут. Покажите им, кто здесь главный.

Поначалу будет сложно, вы будете срываться – это неизбежно. Но не вините себя. Не надо. Сорвались – выдохнули, начали заново. Это тренировка, как в спортзале: мышцу накачать с первого раза не получится.

Он говорил всё увереннее, входя во вкус. Женщина сидела с приоткрытым ртом, ловя каждое слово, чуть подавшись вперёд, почти на краю стула – казалось, ещё чуть-чуть, и она упадёт, но не замечала этого.

– Когда вы научитесь управлять своими эмоциями, управлять собой, вы станете непобедимы. Вы почувствуете этот момент – он будет переломным. Вы обретёте власть над собой, а это самое важное, что должен уметь человек...

– Джефф, – вдруг сказала гостя виноватым голосом. – Извините, что перебиваю. Вы не против, если я запишу ваши слова на диктофон? Чтобы потом переслушать. Я очень, очень боюсь что-то забыть.

Она уже доставала телефон из сумочки, пальцы слегка дрожали.

– Да, без проблем, – Джефф кивнул с таким видом, будто к нему каждый день приходят с диктофоном. Он поправил рубашку, откинулся на спинку стула и сложил руки на животе. – Но мне нужно задать вам вопрос. Что именно вызывает в вас эту эмоцию? Они вас провоцируют? Ведут себя враждебно?

– Нет, – женщина пожала плечами, и хвост на её голове дёрнулся вместе с движением. – Разумеется, они не выводят меня специально. Просто дети иногда бывают слишком шумными, разбрасывают вещи, меня совершенно не слышат. А муж...приходит с работы и сразу садится за игру или перед телевизором. На меня – ноль эмоций. Это выводит меня из себя! Хотя в целом он хороший: добрый, понимающий, всё в семью.

Джефф слушал, кивая, и время от времени поглядывал на её телефон – красная кнопка записи горела ровным светом.

– Выходит, вы заводитесь не по факту, а из-за своих, только вам известных, интерпретаций и долженствований. – Он поднял палец. – Вы думаете, что

должно быть как-то иначе. А оно на деле – по-другому. Или же какие-то ваши потребности не закрыты. Если второе – просто поговорите с мужем. Я уверен, он поймёт, судя по вашему описанию, он человек достойный. Если первое – поймите, какие именно мысли запускают в вас такую реакцию. Учитесь ловить и пресекать такие мысли. Это можете сделать только вы. Не я, не ваш муж – никто не живёт внутри вашей головы. Это только ваша ответственность, перекладывать её на кого-то – гиблое дело.

Он помолчал, довольный своей тирадой, и добавил почти шёпотом:

– Просто думайте в такие моменты: “У меня есть мысль, что...” Не *факт*, а *мысль*. Понимаете?

Женщина закивала, не отрывая взгляда от его лица, и пару раз беззвучно шевельнула губами, повторяя про себя.

Муха тем временем обнаглела настолько, что уселась прямо на горлышко графина. Джефф замахнулся – резко, неловко – и в итоге только пролил столь ценные последние миллилитры сока. Тёмно-бордовая лужица растеклась по пыльной ткани пледа, впиталась мгновенно, оставив мокрое пятно. Женщина не шелохнулась. Она сидела, всё ещё пленённая его речью, и, кажется, не заметила ни его взмаха, ни агонии пролитого напитка.

Джефф почувствовал, как пульсирует вена на шее, а щёки начинают багроветь. С огромным усилием он сдержал себя и глубоко вздохнул – как раз в тему их разговора, между прочим, – и продолжил, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

– Так вот, эмоции... Каждый раз, срываясь, вы подкрепляете своё поведение, и распалиться вам становится всё легче и легче. А когда вы учитесь сдерживать реакцию – со временем закрепляете такое поведение, и вам, напротив, становится легче сдерживаться. Я донёс до вас эту, самую главную, мысль. Дальше – дело практики.

Женщина торопливо ткнула пальцем в экран телефона. Устройство издало короткий писк – запись остановилась.

– Спасибо вам огромное, Джефф. Мне никто никогда не говорил ничего подобного! Вы просто чудо! Вы...вы действительно донесли до меня уникальную мысль! Спасибо. Спасибо огромное.

Гостья вскочила со стула и бросилась к Джеффу. Спустя секунду она уже душила его в объятиях, а он с грустью смотрел на опрокинутый графин.

Бросив в коробку купюры, женщина, надевая на ходу наушники, заспешила к тропинке, то и дело оглядываясь и благодарно кивая. Вскоре от её присутствия остался лишь приторно-амбровый аромат парфюма – густой, сладкий и липкий, как сироп. Джефф поморщился и чихнул.

– Нафига так много на себя лить! – прошипел он, размахивая руками. – И так от мух отбиться не могу!

Вдруг он ощутил в сжатом кулаке слабое, отчаянное жужжание. Он замер, потом медленно поднес руку к лицу, прищурился – между пальцами билась та самая муха.

– Есть! – злобно прошептал он, и кривая усмешка исказила лицо. – Попалась, сука.

Он с силой сжал кулак. Жужжание стихло мгновенно, оборвалось, как струна. Джефф разжал пальцы, с отвращением стряхнул тельце на землю, растёр подошвой и, наконец, взял коробку.

Заглянул внутрь и присвистнул. Там лежала неплохая сумма – крупные купюры, аккуратно сложенные, даже не мятые. Хватит не только на гранатовый сок, но и на еду, и на новую рубашку. Даже на две.

– Может, правда в КПП- терапевты податься? – задумчиво пробормотал он, почёсывая затылок. – Да вот только учиться лень. – Он вздохнул, сунул деньги в карман и с сожалением покосился на пустой графин. – Да и пошло оно всё. Надо за соком идти.

На следующий день он собрал полный зал. Новая рубашка сияла белизной, а сам Джефф, размахивая руками и сверкая глазами, расплылся об умении делегировать, синергии и гибкости мышления. Стив всё-таки пришёл, сидел в третьем ряду, слушал внимательно, но ничуть не смутился. Джефф даже не стал менять текст: “Каждому своему островку нужна команда” звучало так же убедительно, как недавнее “работай сам”.

Выступление прошло на ура. Под конец зал взорвался аплодисментами — люди хлопали стоя, выстроились в очередь, чтобы сфотографироваться с великим коучем, брали автографы, наперебой высказывали восхищение. Кто-то называл его “гением современной психологии”, кто-то “отцом нового мышления”. Джефф улыбался, пожимал руки, кивал и говорил “спасибо, спасибо”, а в голове у него в это время стояла совсем другая картинка: новый гамак — широкий, из плотной ткани, чтобы не провисал; большая походная палатка, непромокаемая, с москитной сеткой; и литры гранатового сока, холодного, сладкого, текущего прямо в горло из нового графина.

Уже когда он почти бегом покидал здание, кто-то схватил его за руку. Джефф вздрогнул, обернулся — и увидел перед собой старого знакомого. Роберт. Они учились в одном классе, их родители общались, а бывшие жёны и вовсе были лучшими подругами.

— Слушай, Джефф, — тихо сказал Роб. — Я займу пару минут?

Джефф кивнул, краем глаза оценивая, насколько быстро можно будет сбежать.

— Смотри. Ты мудрый, ты всегда таким был. Я ещё по школе помню, как вокруг тебя собирался народ и все слушали с раскрытыми ртами. Ты такой эрудит! Ты знаешь всё. Я сам восхищаюсь твоей мудростью, правда. К тебе весь город ходит. Если у кого-то что-то не получается по твоим советам — то только по их собственной вине. Да-да, я замечал. Так вот, что я хочу спросить.

Роб сделал шаг ближе, понизил голос:

– Ты так мудр, так хорошо говоришь. Во многом разбираешься. Почему ты ещё не миллионер? Почему не живёшь где-нибудь, ну, скажем, на Мальдивах? А сидишь всё время на своей горе и сок пьёшь?

– Хм... Отличный вопрос, Роб, – протянул Джефф. – Крайне интересные наблюдения. Да, ты прав. Да, я хорошо говорю. Все меня слушают. А ты хоть раз видел, чтобы я что-то *делал*?

Роб моргнул, но Джефф уже развернулся и зашагал прочь. За новым графином. За соком. На гору, где его снова будут спрашивать, а он – отвечать. Где для величия достаточно лишь слов.

Конец.